

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Юрганов Олег

В сентябре 1992 года я приехал в США. В это время в разгаре была избирательная компания Билла Клинтона и Буша-старшего. Дома был маленький телевизор, и не зная ни слова по-английски, я всматривался в телекартинку, воспринимая все, что там происходило только эмоциями. По-моему, Буш-отец вел себя на теледебатах довольно вяло. Он явно уступал Клинтону, который, как мне показалось, играючи вел свою «партию» в этом матче за президентское кресло.

Ни в речах оппонентов ни в сути их программ я разобраться не мог, но я почувствовал атмосферу избирательной компании в стране, куда я только что приехал. Все мне было в диковинку, и главное поражала эмоциональная заинтересованность всех тех, кого я видел по телевизору.

Почти всегда в тот момент рядом оказывались люди, говорившие со мной на одном языке – мои недавние соотечественники. Некоторые уже сдали экзамен на гражданство и получили право участвовать в президентских выборах. Тогда мне показалось странным, что большинство из них предпочитали уклоняться от моего любопытства по поводу их предвыборных предпочтений. Я не настаивал на своем любопытстве, но вскоре мне показалось, что моим невольным собеседникам просто нечего было сказать. Впрочем, я мог и ошибаться...

В те президентские выборы мне все же удалось уловить два наиболее заметных даже для меня, только что приехавшего в США иммигранта, момента избирательной гонки. Первый – огромный внутренний долг США, возникший в период президентства Буша-старшего. Было понятно, что причина – «Война в заливе». Об этом я знал еще до приезда в США. Но цифра долга казалась просто космической и никак невосполнимой! Второй – проект радикальной реформы Медикейра, предложенный Билом Клинтон.

Из возникшего по этому поводу шума и в конечном счете провала реформы я тоже мало что понял, хотя в предвыборной платформе Клинтона это были два главных стимула для возбуждения интереса избирателей к молодому претенденту в Белый Дом. Мой интерес по этому поводу тоже «возбуждился», потому, что я приехал в США – инвалидом и медицина была для меня очень актуальным вопросом.

Конечно, и потом, спустя год-два жизни в США, я не мог следить за воплощением в жизнь политических обещаний Клинтона, хотя и национальный долг, который Клинтон обещал погасить и реформа Медикейра каким-то «боком» меня коснулись. Я реагировал тогда только на то, что привлекает в кандидатах во власть женщин, оптимистичных пенсионеров и политических невежд: молодость Президента, его харизма, ум и раскованность. В этом смысле я тогда мало чем отличался от тех, с кем был рядом с моим домом.

Жизнь брала свое: ступив на землю США, я включился в процесс «натурализации». На это мне было отпущено пять лет

– до сдачи экзаменов на гражданство и получение мною предусмотренных Конституцией гражданских прав и свобод, в том числе и избирательное право.

Так называемая «натурализация» может продолжаться для каждого иммигранта индивидуально: долго или коротко. Теперь, когда я приобрел опыт этой самой натурализации я понял, что задолго до получения сертификата о гражданстве, я ощутил, будучи обладателем только гринкарты, прилив политических эмоций. Попытаюсь объяснить, что это такое.

В человеческом сообществе естественны трения, споры, конфликты и эмоции. Они очень часто приобретают политическую конфигурацию, потому, что мы живем в обществе, где неизбежны столкновения интересов и далеко не равная возможность для всех утолить свои потребности. На этой почве произрастают мнения, строятся и отстаиваются позиции, в том числе и принципиальные, выявляются точки зрения нередко прямо противоположные. Это и есть – политика, пусть в любительской, бытовой, обыденной конфигурации.

Вместе с тем, именно на этом уровне конфликты и эмоции могут достичь такого накала, когда даже профессиональные политики беспомощны.

Тогда, в начале девяностых, масштаб конфликтов и эмоций в кругу людей, которые назывались «беженцами из бывшего СССР» был, конечно, мельче, проще, примитивней, однако в

них уже можно было почувствовать привкус конкретной политики тех структур, от которых зависели наши интересы.

С первыми же визитами в ХИАС осенью 92 года мы с женой резко почувствовали свою неполноценность. Да, мы не говорили по-английски, чем доставляли чиновникам балтиморского ХИАСа множество неудобств. Свою досаду, недовольство, а нередко и презрение к нам они не скрывали, умножая в нас этот комплекс неполноценности.

Между тем, бессмысленно было требовать с первых же дней приезда от нас «англоязычности». Нелепо было и другое: принимая сотни и сотни иммигрантов из бывшего СССР, не привлекать к работе в ХИАС в качестве переводчиков тех из нас, кто хорошо владел языком! Однако именно в игнорировании руководством ХИАСа переводческих услуг наших соотечественников чувствовалась странная политика искусственно нагнетаемого отчуждения к нам и внушения нам неполноценности. Острые ситуации в формальном «безъязыком» общении можно и нужно было бы избежать, если бы политика ХИАСа в работе с иммигрантами из бывшего СССР была профессиональной и гуманной.

Ничего подобного, что пережили мы в начале и середине девяностых не было, например, у иммигрантов в соответствующих службах Израиля и Германии. Волны иммигрантов, хлынувших туда из СССР были покруче чем в США, однако в этих странах смысл политики адаптации новых репатриантов был иной – бережное отношение к человеческому достоинству иммигранта, профессионализм

чиновника иммиграционного ведомства. Переводчиков было в изобилии! Причём большинство из них те, кто уже адаптировался к новой жизни, кто прошел специальную психологическую подготовку для работы с бывшими советскими людьми.

Почему оказалась столь разительной политика организации помощи иммигрантам еврейскими организациями США и той же Германии? По-моему один из ответов на этот вопрос близок к истине: немцы смотрят на иммигранта, как потенциального избирателя, который, спустя несколько лет, завершив процесс натурализации, может воспользоваться своим избирательным правом. От того, как он этим правом распорядится может зависеть политическая судьба той партии, во время правления которой у иммигрантов возникали тяжкие эмоции и острые конфликты, неизбежно приобретающие политический оттенок. Эта гипотеза полностью подтвердилась во время первой избирательной компании канцлера Шредера. Голоса иммигрантов-турок, чья диаспора пополнилась после получения немецкого гражданства буквально накануне выборов, обеспечила перевес голосов его партии, а ему – победу!

При жизни в СССР наши эмоции и конфликты, праведное негодование и жажда справедливости десятилетиями загонялись властями во внутрь наших душ. Страх, а вслед за ним равнодушие, десятилетиями сдерживали соблазн людей оценить власть по самым простым критериям: хорошо им с ней или плохо. Большинству из нас политики были – номенклатурой. Представлялись кастой неприкасаемых, к

тому же нередко опасных для нашего благополучия и безопасности. Их боялись, не верили им, и презирали.

С такими «рефлексами» мы прибыли сюда. Разумеется, мы «умудрились» привезти в США свою личную профессиональную честь, нравственное достоинство взрослых, образованных и в массе своем умных людей. Мы приехали с надеждами и главной была надежда на естественное уважение к нам властей всех уровней.

На самом нижнем этаже чиновничьей власти нам сразу дали понять, что с этим нашим моральным багажом следовало бы расстаться еще «там». В этой политике чиновников балтиморского ХИАСа, образца начала и середины девяностых, не было даже намека на то, что мы окажемся завтрашними избирателями. Для них мы были дешевой, весьма квалифицированной рабочей силой. К тому же большинство из нас были смиренными и терпеливо несли на себе печать внушаемой нам неполноценности.

И все же тогда даже самые кроткие из нас испытали естественное неудовольствие и разочарование, обиды и гнев. Опыт людской показывает, что эти-то эмоции и являются катализаторами политических чувств и позиций. Не случайно эти чувства обнаружались и выплеснулись во время первого социологического исследования, проведенного среди беженцев из бывшего СССР, проживавших в Балтиморе. Тогда очень убедительная статистика опроса показала насколько опасными для авторитета балтиморского ХИАСа оказались

оценки наших иммигрантов, и сколь недалёковидна была их политика.

Единодушие «низов» – во вред или во благо любого политика и любой организации. Все зависит от «знака» оценки и масштаба единодушия. Тогда итоги опроса, опубликованные в нашей газете остро «запахли политикой». Однако, мы оказались политическими олигофренами и всего лишь «выпустили пар». Чиновники ХИАСа ограничились легким испугом и новые генерации иммигрантов из бывшего СССР еще долго наступали на наши «политические грабли».

Между тем наступал 95 год и набирал силу новый избирательный сезон. Тогда тысячи «русских» иммигрантов сдали на гражданство и получили избирательное право. Но немало было среди них тех, кто полученное право голоса продолжал рассматривать сквозь «совковую призму». Полученный от американской Конституции шанс публично заявить о своем гражданском достоинстве – голосовать или выдвинуть свою кандидатуру в местные органы власти – никем из нас не осознавался.

Не удивительно, что наш отказ от права голоса лишал нас самоуважения, как единой общины. Впрочем, общины, как таковой тогда и не было. Мы являли собой некую безликую разобщенную массу.

Между тем, мы трудились много и тяжело. Влились в ряды налогоплательщиков и обогащали казну США, выплачивая миллионы долларов налогов. Однако, когда кто-то из нас шел

в те годы в социальную службу за помощью, нередко получал кривую ухмылку чиновника уже другого ведомства, ничем не отличавшуюся от высокомерия их коллег из ХИАСа. То, что это было, как минимум несправедливо, осознавали единицы из нас.

Наше политическое сознание оставалось примитивным. Оно не менялось, даже когда наши иммигранты потеснили своим трудолюбием и умом, приближавшим их к богатству и зажиточности таких долговременных фаворитов успеха в США, как иммигрантов из Японии, Индии, Южной Кореи, Индонезии, Китая. А это значило, что своими возросшими прибылями наши иммигранты продолжали исправно и щедро делиться с государственной казной США!

Но именно тогда, в середине девяностых, нас обвиняли в «привычке жить за чужой счет» и обзывали «русской мафией». Мы возмущались. Гневались под крышами собственных и часто добротных домов, купленных на «свои кровные». Но наша среда и тогда не выдвинула лидеров, готовых защитить наше достоинство и честь. Мы продолжали оставаться в глазах общественного мнения американцев Балтимора такими, какими нас десятилетиями представляла им пропаганда времен «холодной войны».

Я помню, как моя аспирантка принесла мне статью из «Вашингтон пост», в которой писалось о «...тысячах русских, выстроившихся в очередях в социальных ведомствах, в надежде получить пособие и фудстемпы...». Между тем в 1997-99 годы большинство иммигрантов из бывшего СССР уже

весьма сытно кормили не только себя, но, выплачивая немалые налоги, «прикармливали», огромную армию тех, кто не стеснялся пользоваться щедрыми льготами, завоеванными 30 лет назад у американского государства своими неугомонными вождями за гражданские права. Однако нами самими наше избирательное право в этой обидной для русскоязычной общины ситуации продолжало оставаться невостребованным...

Скандалная история с дракой между американскими евреями и их соплеменниками – иммигрантами из бывшего СССР сильно нас встряхнула. Это случилось в Пайксвилльской хайскул. В 1995 году. Наше «русскоязычное сообщество», за которым уже прочно утвердился ярлык «русской мафии» почувствовало себя по-настоящему оскорбленным. Правда и тогда среди нас не обнаружилось вождей, а на их вакантных местах появились возбужденные праведным гневом... еврейские мамы.

Еврейская мама, точнее ее собирательный образ в 95 году, не «лезла в политику». Она только хотела справедливости для своего ребенка, обиженного «нехорошей» дирекцией Пайксвилльской хайскул, ошибочно посчитавшей ее детей виноватыми в спровоцированной драке и несправедливо наказанными!

Одна еврейская мама готова насмерть драться с обидчиками своего ребенка, три еврейские мамы – вполне могут заменить ООН. Им по плечу мировые проблемы добра и зла. В нашей общине после скандальной истории с дракой в Пайксвилльской

хайскул объединились десятки матерей, оскорбленных вопиющей несправедливостью местного «ГОРОНО». Тогда действительно очень резко «запахло паленым». Многие чиновники ХИАСа, а особенно те из наших иммигрантов, которые за десятилетия натурализации напрочь стерли из своей биографии факт принадлежности к нашему презренному «русскому» сообществу, вдруг поняли, что с нашей общиной, оказывается, надо обращаться на «Вы».

Наш успех тогда оказался неожиданно и даже как-то очень странно весомым! У многих и сейчас на памяти впечатляющие итоги принятого образовательными властями и чиновниками Пайксвилской хайскул решения. А тот факт, что в школе тогда «даже разрешили» русский язык – мог просто свести с ума от восторга! Но не нас...Триумфа самосознания в среде говорящих по-русски иммигрантов не случилось. Победы в борьбе с несправедливостью и обидными ярлыками вскоре были забыты. Но вот настал 97-й год.

Администрация Клинтона стала «закручивать гайки» тем, кто всю жизнь, и много поколений подряд жил на «вэлфере». Под пресс в общем-то справедливой борьбы государства с «экономическим паразитизмом» нежданно-негаданно попали... наши старики. Достаточно было знаний элементарной арифметики, чтобы убедиться, что законопроект, внесенный администрацией Клинтона ставит наших ветеранов на грань не только нищеты, но и вымирания.

Политический тезис Конгресса США о труде, как единственном мериле утоления потребности в хлебе насущном для всех

граждан страны, а стало быть и для наших стариков, имевших законное право жительства в США, придавал Закону о велфере ядовитый привкус демагогии. В приложении к нашим иммигрантам-старикам, имевшим единственный шанс выживания – SSI, – этот закон не оставлял никаких надежд на справедливое воздаяние. И это тем, кому мы все, да и не только мы, американцы тоже, были обязаны жизнью в лихую годину страшной войны с фашизмом.

Эта история вряд ли забыта большинством из нас. «Поход на Вашингтон» наших иммигрантов в мае 1997 года невозможно забыть не только мне, как журналисту «Каскада», освещавшему это событие в своих репортажах с Капитолийского холма и с Зеленой лужайки у стен Белого дома. Эта памятная дата стала знаковым событием в американских страницах биографии многих сотен наших стариков. Мы победили и тогда! Закон о велфере был существенно отредактирован. Скромное, но гарантированное благополучие и движение к получению гражданства для наших ветеранов стало гуманней.

Это была и в самом деле ошарашивающая победа! Законопроект был отвергнут в Сенате и администрации Клинтона пришлось пойти на существенные компромиссы. Тогда пали многие демагогические «бастионы» власти. В коридорах Белого Дома ходили наши ветераны, без стеснения хватили за лацканы растерянных сенаторов и конгрессменов и, призвав к преодолению языкового барьера наших же доморощенных переводчиков, популярно разъясняли, почему они недовольны политиками. Они, эти политики, их терпеливо

выслушивали. Их взволнованным и сбивчивым речам согласно кивали. В глазах политиков «приторможенных» нашими стариками в коридорах власти нередко мелькала тень опасливого уважения.

Ясное дело – срабатывал «электоральный рефлекс». Если у политика он не развит, его депутатская Фортуна очень скоро перестанет ему улыбаться. Конечно, наши старики и бабушки в тот год еще не были избирателями. Но ими владели настоящие, неподдельные политические чувства и факт, что на них уважительно смотрели обитатели коридоров власти дорого стоил!

Но и тогда среди нашего «русского» сообщества не появились свои лидеры. Не случилось этого ни в сезон выборов 2001, 2004 годов. Пестрели на плакатах и флаерах десятки имен претендентов на «властные кресла», в которые можно усесться только по воле «электората». Наша, так называемая община «русских», продолжала оставаться безликой аполитичной массой.

За эти же годы в разы выросло число иммигрантов из стран Латинской Америки. В то же время они обрели статус этнического меньшинства, отстроили свои образовательные и культурные центры, стали развивать собственные национальные бизнесы, решать текущие проблемы, пользуясь щедрыми дотациями правительства штата и федеральных властей.

Мало кого интересовало, что за годы нашего политического слабоумия община русскоязычных евреев из бывшего СССР стала постепенно деградировать.

Мы потеряли прекрасный русскоязычный Балтиморский драмтеатр Петра Слуцкого. Причина банальна – не было грантов для финансирования. Подозреваю, что деньги все-таки были, но в руках тех, кто никогда не уважал наших культурных традиций. Не уважал, потому, что мы, имея право голоса, были равнодушны к эволюции собственной культуры в новой стране. В результате юные иммигранты, чьи родители зачитывались в свое время Мандельштамом, слушали песни А. Галича, Утесова, читали Шолом-Алейхема не смогли идти вслед за своими бабушками, мамами и папами, а вскоре и вовсе потеряли русский язык навсегда!

Скончался от нищеты и замечательный балтиморский журнал на русском языке «Вестник». Исчезла русская газета «Балтиморский бульвар». «Заглох» без средств «толстый» литературно-публицистический интернет-журнал «Русский Балтимор». Дышит на ладан радиостанция «Звезда Давида». Исчезли русскоязычные лицеи, крохотные оазисы русской культуры. Закрылись клубы по интересам, последний очаг мысли высоких чувств, у которого грелись душой наши интеллигенты с привычками книголюбцев и мыслителей. Энтузиасты, жаждавшие спасти человеческое достоинство интеллектуалов от бытовизма и скуки вымерли, измученные многолетними поисками помещений для собраний и встреч с местной американской интеллигенцией.

Наши поэты, музыканты, художники – реальная слава разобщенной комьюнити иммигрантов из бывшего СССР. Но кому они нужны? Они, лишённые аудиторий, выставок, фестивалей, конкурсов, то есть постоянных встреч и творческих отчетов перед публикой теряют вкус к творчеству. Да и сама публика неумолимо теряет вкус к прекрасному, поддавшись унылому однообразию повседневного быта и забвения, собственных некогда обширных духовных интересов, которые сумели привезти сюда.

Наши умудренные опытом и возрастом технические интеллектуалы, возжаждавшие отдать плоды своего ума приютившей их стране, остались забытыми. Их накрыла тень равнодушия. Немая и одинокая борьба наших «технарей», некогда создавших славу «там», теперь здесь, за свое желание отплатить добром великой нации за поддержку, заслуживают только сочувствия. Сокровища их ума за годы политической инерции нашей общины безвозвратно утрачены.

А вот в Бостоне, например, все не так! Политически крепкая русскоязычная община создала «Инженерную Академию» из числа ученых-«технарей» и неугомонных «русских» изобретателей. Туда приходят американцы. Приходят у «русских» поучиться решать технические проблемы, актуальные на их современных американских производствах. Не стесняются, что общаются с «русскими гениями», как они их называют, через переводчиков. Как говорится, каждому – свое. Мы – теряем, а кто поумнее нас – бережливее относится к собственному достоинству – находит.

Зато у нас появились свои, даже весьма знаменитые частыми отсидками в тюрьмах США юные уголовники. Они выросли в семьях, в одиночку измученных проблемами подростковой преступности. А возросший за годы иммиграции «русских» алкоголизм так напугал ХИАС, что усилиями чиновников этой структуры нашлись средства для профилактической работы среди них.

Наши семьи стали терять детей от наркомании. Среди нас появились молодые люди, которых здесь ждет судьба социальных маргиналов, потому что в их семьях нет средств на образование. Наша культурная самоидентификация – под угрозой тяжкого духовного разлома. Уходит поколение стариков, приехавших с нами двадцать – двадцать пять лет назад. Их место занимают дети, то есть те самые взрослые члены нашей общины, чья социально-культурная натурализация в США весьма и весьма относительна в смысле содержания и качества.

Стандарт их английского языка низок, духовное самоуважение зиждется не на глубоко осознанных религиозно-общинных ценностях еврейства, а на смеси американо-русских культурных обломков. Внуки и правнуки уходящих стариков забыли русский язык. Им недоступны замечательные книги воспоминаний о героическом прошлом их дедов, написанные на языке, который по глупости, неразумению и лени не был сохранен для них родителями. Пласты русской культуры, следы которой еще можно увидеть в разрозненной русскоязычной общине иссякают на глазах.

На фоне польской, украинской комьюнити, давно и прочно объединенных в собственные политико-культурные и социально-этнических общины, рядом с официально признанными афро-американским и особенно испаноговорящим меньшинством, культурно-политические потребности которых исправно финансируются федеральным и местным правительствами, мы продолжаем деградировать.

Мы отринуты от финансирования наших культурных и социальных программ. Нас не интересует куда делись миллионы, которые правительство США адресовало именно русскоязычной общине иммигрантов из бывшего СССР за прошедшие тридцать лет активной иммиграции евреев из этой страны.

Мы десяток лет игнорировали собственные социально-культурные интересы, а правительство, следуя демократическому принципу уважения к тем налогоплательщикам-иммигрантам, у которых появляются свои общинные проблемы с первых же лет формирования русскоязычной общины, адресовало нам деньги.

Эти деньги выделялись для становления и развития множества иммиграционных общин страны, в том числе и нашей. При этом власть руководствовалась Конституцией, обещая и в момент избирательных компаний: «...спокойствие, ... совместную оборону, содействовать общему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим...».

По большому счету эти строки Конституции США отражают наши повседневные потребности и интересы здесь. Это готовый каркас для любой избирательной платформы любого претендента во власть от любой партии, как на федеральном, так и на уровне штата...

Итак, мы дорого заплатили за собственную политическую близорукость. Настала пора наверстывать упущенное. Это значит, что время «...собирать камни» пришло. Право голоса, данное нам Конституцией США по получении гражданства страны, является, на мой взгляд, не столько готовностью правящего сообщества США следовать воле своих избирателей, но и надежда на то, что мы, народ, сумеем разобраться в кандидатах, претендующих взять в свои руки «бразды правления» на всех уровнях власти, и воплощать в жизнь интересы и потребности народа, включая и нас – иммигрантов, говорящих по-русски.

Если мы от своего права голоса отказываемся, если мы равнодушны к оценке избирательных программ, если мы довольствуемся только интересами, созревшими в узком мирке наших личных дрязг и тревог, нас трудно отнести к масштабу единой нации.

За тридцать лет в нашем разрозненном сообществе иммигрантов не выделилось ни одного достойного уважения политика, который сумел бы аккумулировать в своей воле наши интересы и потребности, наши культурно-социальные проблемы, наши надежды на уважение и достойное самосознание.

Все эти годы мы жили, работали, открывали бизнесы, рожали детей, богатели, покупали дома, наслаждались свободой, исправно платили налоги, вступали в контакт с исполнительной властью, бывало – испытывали от нее неудобства, изливали в разговорах на кухнях и при застолье под крышами собственных домов яд на чиновников из иммиграционных структур... Но мы редко задумывались над тем, что быть рядом совсем не то, что быть вместе!

Теперь в нашей среде появились наконец долгожданные молодые политики. Тот же Влад Койфман, за которого я собираюсь голосовать и желаю ему победить и пройти в Нижнюю Палату Законодательного собрания штата Мэриленд. Его главная задача – консолидировать нашу общину путем законного оформления ее в этническое меньшинство – заслуживает самой энергичной поддержки. Пусть поздно, пусть после тяжких потерь и распрей мы, наконец, обретем второе дыхание, получим шанс возрождения и реализации множества социально-культурных программ, для осуществления которых правительство штата и федеральные власти готовы отпустить финансовые гранты.

Пора извлечь уроки из нашего прошлого и худого опыта разобщенности и глупых распрей, равнодушия друг к другу и ко всему, что относится к жизни людей, прибежавших сюда, в США из страны, где все мы действительно (черт возьми!!!) были людьми второго сорта.

Постыдно здесь и теперь, особенно в избирательный сезон, когда у нас наконец-то появился достойный лидер, чваниться,

подозрительно приглядываясь к избирательной платформе в поисках «республиканских» или «демократических» оттенков. Ну, полноте! Что за глупая страсть ломиться в калашный ряд со... Не в том честь, чтобы называться республиканцем или демократом, а в том, чтобы провести во власть претендента из рядов нашей общины. Депутата, говорящего с нами на одном языке. Кандидата, способного нас понять. Понять, между прочим, и тогда, когда мы же с него и будем спрашивать, объясняясь на одном с ним языке, позволяя себе и «соленые» присказки, чтобы не повадно ему было игнорировать и ненароком забыть наши интересы и потребности...